

Е.М.Черноиваненко

О том, когда и почему в русской литературе были барокко, классицизм, сентиментализм и романтизм, или Ответ В.Г.Белинского на вопрос В.В.Кожина

Про те, коли і чому в російській літературі були барокко, класицизм, сентименталізм і романтизм, або Відповідь В.Г.Белінського на питання В.В.Кожина

When and why Russian literature witnessed Baroque, classicism, sentimentalism, and romanticism or V.G Belinskii's answer to V.V. Kozhinov's question.

В статье характеризуются основные особенности развития русской литературы конца XVII-начала XIX века и объясняется один из парадоксов этого развития.

Ключевые слова: русская литература конца XVII-начала XIX века, барокко, классицизм, сентиментализм, просветительский реализм, романтизм, направления в русской литературе, специфика развития русской литературы.

У статті характеризуються головні особливості розвитку російської літератури кінця XVII-початку XIX ст. і пояснюється один з парадоксів цього розвитку.

Ключові слова: російська література кінця XVII-початку XIX ст., бароко, класицизм, сентименталізм, просвітницький реалізм, романтизм, напрями в російській літературі, специфіка розвитку російської літератури.

The article illuminates major peculiarities of Russian literature development in late XVII – early XIX centuries and explains one of its paradoxes.

Key words: Russian literature in late XVII – early XIX centuries, Baroque, classicism, sentimentalism, realism in Enlightenment tradition, romanticism, Russian literary schools, peculiarities of Russian literature development.

Если русский литературный процесс эпохи Средневековья удивляет нас своей статичностью (Д.С.Лихачёв: «Литературный процесс XI-XVII вв. трудно уловим и определим» - 1, с. 12), то в эпоху европеизации (2-я половина XVII – начало XIX в.) он поражает тем, что кажется никак не обусловленным и даже вовсе не связанным с социально-историческим развитием России. Эту особенность русского литературного развития в данный период давно подметили литературоведы. Наиболее чётко этот парадокс сформулировал и наиболее последовательно пытался разрешить В.В.Кожин в ряде своих статей 70-80-х годов. По мысли известного учёного, в России XVIII в. не было никаких социально-экономических предпосылок для зарождения и развития барокко, классицизма, сентиментализма, просветительского реализма, романтизма: «... Неужели можно всерьёз говорить об объективных предпосылках просветительства в русской жизни XVIII века? Ведь реальной почвой просветительства в Западной Европе было сознательное движение «третьего сословия», направленное против феодализма или его пережитков; то же самое следует сказать и о сентиментализме. Между тем в России XVIII века конечно же не было ничего подобного. Далее, романтизм повсюду выступил как «реакция» на просветительство, идеалы которого не осуществились. Разумеется, в России начала XIX века эта историческая ситуация даже и не намечалась. Словом, совершенно непонятно: как могли сложиться в России XVIII – начала XIX века вполне «беспочвенные» просветительство, сентиментализм, романтизм? Любое литературное направление призвано дать художественное решение определённой исторической «задачи». Но перед Россией XVIII – начала XIX века вообще не стояли те конкретно-исторические задачи, которые стояли, скажем, перед Францией этой эпохи» (2, с. 410).

Однако, «если дворянская Россия могла породить такой же тип искусства, как буржуазная Англия или Франция, значит, социальная почва не имеет сколько-нибудь основополагающего значения для принципов художественного отражения мира» (3, с. 476). Согласиться с этим ортодоксальный марксист В.В.Кожин не мог и потому заключил, что названные направления следует искать в той эпохе русской истории, когда для них появились социально-экономические предпосылки. Руководствуясь этой логикой, В.В.Кожин в другой своей статье приходит к выводу: «Следы воздействия западного сентиментализма и романтизма (а ранее барокко, классицизма и просветительского реализма) на русскую литературу очень многочисленны и многообразны... Но всё же этих направлений в русской

литературе XVIII – начала XIX века не было (и не могло быть)...» (2, с. 457-458), все они обнаруживаются лишь в послепушкинскую эпоху. В итоге Пушкин у В.В. Кожина оказывается основоположником ренессансного реализма в русской литературе; зрелый Гоголь, Тютчев, Лермонтов – представители барокко; молодой Достоевский и молодой Толстой – сентименталисты; зрелый Тургенев, Некрасов, Щедрин, Чернышевский – лидеры просветительского реализма; поздний Достоевский, Лесков, Фет – романтики; критический реализм XIX века представляет лишь творчество Чехова.

Идея В.В.Кожина не нашла сколько-нибудь широкой поддержки в литературоведческом мире, хотя в исследованиях 70-80-х годов нередко можно встретить суждения, вполне с нею согласующиеся. Почему же концепция московского учёного не нашла поддержки? Потому, во-первых, что отрицать факт развития барокко, классицизма и прочих названных направлений в русской литературе конца XVII – начала XIX в. невозможно, и потому, во-вторых, что об их социально-экономической «беспочвенности» говорить в условиях господства вульгарно-социологической методологии было опасно. Однако концепция В.В.Кожина не получила и убедительного опровержения, ибо если доказать наличие барокко, классицизма и проч. в литературе названного периода удавалось достаточно легко, то доказать их социально-экономическую обусловленность не удавалось совсем. Объяснить обнаруженный В.В.Кожинным парадокс можно было, либо принеся объективные факты истории в жертву социологической догме (как это сделал он сам), или признав несостоятельность социологической методологии в сфере русского литературного процесса (на что не отважился ни В.В.Кожин, ни его коллеги). И потому вопрос, громко прозвучавший в серии статей учёного, остался словно бы неслышанным. Попробуем же ответить на него.

Собственно говоря, сформулированный В.В.Кожинным парадокс давно уже объяснён В.Г.Белинским в ряде его работ, наиболее концептуально – в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Как же Белинский «отвечает» на вопрос, который через столетие с четвертью поставит Кожин?

По мысли критика, русская литература появляется в эпоху европеизации. Но появляется она совсем не так, как в других странах: «Начало и развитие русской литературы – совершенно особенное, не имеющее себе примера ни в одной литературе мира, так же как и развитие

русского народа» (4, с. 649). Особенность эта заключается в том, что «русская литература есть не туземное, а пересаженное растение. Это обстоятельство даёт особенный характер ей самой и её истории; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него внимания, значит не понять ни русской литературы, ни её истории. ... Идея поэзии была выписана в Россию по почте из Европы и явилась у нас как заморское нововведение» (5, с. 107). По мысли Белинского, не только литература, но вся культура русского «общества» в эпоху европеизации была подражательной, заимствованной, лишённой собственных национальных корней и содержания; неудивительно, что такой же характер приобретает и рождающаяся в эту эпоху литература: «... поддельный, искусственный европеизм России, созданный реформой Петра Великого, действительно может казаться не более как внешнею формою без внутреннего содержания. Но разве нельзя того же самого сказать о всех поэтических и ораторских опытах Ломоносова?» (6, с. 9). Итак, европеизированная русская культура, как и литература, не выростала из насущных потребностей нации, а потому не выражала содержания жизни нации: «Мы уже не раз говорили, что не верим существованию русской литературы как выражению народного сознания в слове, исторически развивающегося...» (7, с. 216). Трансплантация достижений европейской цивилизации и культуры (в том числе и литературы) была лишь трансплантацией форм: «Русская литература началась так же, как и русская цивилизация, - подражанием, слепым усвоением форм» (8, с. 290).

Почему же, заимствуя формы, русская культура не заимствовала готовое западное содержание для русской жизни? Белинский даёт вполне убедительный ответ на этот вопрос: «Нам скажут, что Россия, приобщившись жизни европейской, приобщилась и её интересам. Прекрасно, но эти интересы нельзя было перенести с товарами из-за границы; их надо было развить из своей жизни. А России было не до того: она хлопотала, как и следовало, об усвоении себе не содержания, а пока только форм европейской жизни» (9, с. 422). Новым европейским формам культуры и литературы совершенно не отвечало содержание русской жизни. Достоевский с сарказмом писал об этом в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «... Тогда нам легко давалась Европа, физически, разумеется. Нравственно-то, конечно, обходилось не без плетей. Напяливали шёлковые чулки, парики, привешивали шпажонки – вот и европеец. И не только не мешало всё это, но даже нравилось. На деле же всё оставалось по-прежнему: так же ... расправлялись с своей дворянкой, так же патриархально обходились с

семейством, так же драли на конюшне мелкопоместного соседа, если сгрубит, так же подличали перед высшим лицом. ... Даже, может, и пребольшие подчас были плуты и себе на уме в отношении ко всем тогдашним европейским влияниям сверху. Вся эта фантазмагория, весь этот маскарад, все эти французские кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, все эти дебелые, неуклюжие ноги, влезавшие в шёлковые чулки; эти тогдашние солдатики в немецких париках и штиблетах – всё это, мне кажется, были ужасные плутни, подобострастно-лакейское надувание снизу, так что даже сам народ иной раз это замечал и понимал» (10, с. 56-57). Содержание русской жизни не отвечало и новым европейским формам литературы. Вот почему, по мысли Белинского, поэзия Ломоносова никак не связана с жизнью тогдашней России: «Содержания... для своей поэзии он не мог найти в общественной жизни своего отечества, потому что тут не было не только сознания, но и стремления к нему, стало быть, не было никаких умственных и нравственных интересов; следовательно, он должен был взять для своей поэзии совершенно чуждое, но зато готовое содержание, выражая в своих стихах чувства, понятия и идеи, выработанные не нами, не нашею жизнью и не на нашей почве. Это значит сделаться ритором поневоле, потому что понятия чуждой жизни, выдаваемые за понятия своей жизни, всегда – риторика. Ещё более реторикою были в то время европейские кафтаны, камзолы, башмаки, парики, робронды, мушки, ассамблеи, менуэты и т.д.» (6, с. 12-13).

Вот почему русская литература этой эпохи была и в области содержания подражательной, неоригинальной, вот почему своим содержанием она никак не могла обогатить европейскую литературу или хотя бы просто сравняться с ней глубиной содержания, несмотря даже на наличие талантливых поэтов. Белинский писал об этом: «Говоря, что русский великий поэт, будучи одарён от природы и равным великому европейскому поэту талантом, всё-таки не может в настоящее время достигать равного с ним значения, - мы хотим этим сказать, что он может соперничать с ним только в *форме*, но не в *содержании* своей поэзии. Содержание даёт поэту жизнь его народа, следовательно, достоинство, глубина, объём и значение этого содержания зависят прямо и непосредственно не от самого поэта и не от его таланта, а от исторического значения жизни его народа» (11, с. 441). Вот эта-то разъединённость форм культуры, литературы и их содержания, совершенное несоответствие содержания русской национальной жизни той эпохи заимствуемым европейским формам и

сообщали, по мысли Белинского, русской культуре и литературе допушкинского времени глубоко «риторический» (для Белинского, который страстно боролся за художественность литературы, слова «реторика», «риторический» имели откровенно пейоративное значение) и формальный характер. Если на Западе формы культуры и литературы рождались в результате развития содержания национальной жизни, то в России сначала заимствовались чужие формы, а потом содержание русской жизни должно было долго (и нередко тщетно) дорасти до этих форм. Таким образом, вся дворянская русская культура эпохи европеизации была «готовым» словом, заимствованным из «учебника» европейской риторической культуры, чужим словом, рождённым чужой, а не своей, жизнью. Вот почему, как убеждённо пишет Белинский, «написать историю русской литературы, значит: показать, каким образом, как следствие общественной реформы, произведенной Петром Великим, началась она рабским подражанием иностранным образцам, принявши чисто риторический характер; как потом, постепенно, стремилась к освобождению от формальности и риторизма и приобретению для себя жизненных элементов и самостоятельности; и как, наконец, развилась до полной художественности и сделалась выражением жизни своего общества, стала русскою» (4, с. 653).

Итак, только в пушкинскую эпоху русская литература становится «выражением жизни своего общества», становится по-настоящему русской, то есть органично порождённой русской жизнью. До Пушкина это не было ей свойственно, что и отличало её принципиально от литератур европейских народов. Белинский пишет об этом: «Если бы нас спросили, в чём состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости. Само собою разумеется, что подобная характеристика может относиться только к литературе недавней, молодой и притом возникшей не самобытно, а вследствие подражательности. Самобытная литература зреет веками, и эпоха её зрелости есть в то же время и эпоха числительного богатства её замечательных произведений... Этого нельзя сказать о русской литературе. Её история, как и история самой России, не похожа на историю никакой другой литературы. И потому она представляет собой зрелище единственное, исключительное, которое тотчас делается странным, непонятым, почти бессмысленным, как скоро на неё будут смотреть, как на всякую другую европейскую литературу» (6, с. 7-8). Белинский, в отличие от

Кожинова, не мучается вопросом о том, на какой социальной почве вырастает в России литература: он прекрасно знает, что она появляется здесь в результате трансплантации, пересадки. Кожинова такой подход удовлетворить никак не мог: он обижал его патриотическое чувство и противоречил марксистско-ленинской казуистике. Впрочем, зная историю, не так уж трудно увидеть, на какой почве выростала беспочвенность русской дворянской культуры и литературы в XVIII столетии. В.О.Ключевский, освещая события, вызванные обнародованием манифеста 18 февраля 1762 года, по которому дворянство освобождалось от обязательной службы, отмечал: «... Дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя без настоящего, серьёзного дела. Это дворянское *безделье*, политическое и хозяйственное, и было чрезвычайно важным моментом в истории нашей культуры. Оно, это *безделье*, послужило урожайной почвой, из которой выросло во второй половине века уродливое общежитие со странными понятиями, вкусами и отношениями. Когда люди известного класса отрываются от действительности, от жизни, которой живёт окружающее их общество, они создают себе искусственное общежитие, наполненное призрачными интересами, игнорируют действительные интересы, как чужие сны, а собственные грёзы принимают за действительность. Пустоту общежития наполняли громкими чужими словами, пустоту своей души населяли капризными и ненужными прихотливыми идеями и из тех и других создавали шумное, но призрачное и бесцельное существование. Такое именно общежитие и складывается в нашей дворянской среде с половины XVIII столетия» (12, с. 148).

Как видим, и В.О.Ключевский говорит об отрыве дворянской культуры от реальной жизни, об искусственности этой культуры. Столь же далёкой от реальной жизни, никак ею не порождённой искусственной была и русская литература этого времени, основоположниками которой были белорус Симеон Полоцкий, выученик Киево-Могилянской академии, слушавший также курс лекций у иезуитов в Вильне; украинец Феофан Прокопович, выученик и позднее ректор Киево-Могилянской академии, учившийся также в Польше, Италии и Германии; помор М.В.Ломоносов, учившийся не только в Москве и Петербурге, но и в Киево-Могилянской академии (недолго), а больше всего - в Германии. Никак не связанными с национальными культурными традициями были и направления в русской литературе 2-й половины XVII - начала XIX в. Так, говоря о первом литературном направлении в истории русской литературы, А.М.Панченко

отмечает, что «... на русскую почву стиль барокко был пересажен извне...» (13, с. 399). Нетрудно было бы доказать применимость этого вывода и к другим направлениям в русской литературе названного периода.

Прав В.В.Кожин: социально-экономической почвы для возникновения и развития барокко, классицизма, сентиментализма, просветительского реализма, романтизма в России этой эпохи не было. Однако это вовсе не означает, что не было и самих этих направлений. Ведь и для всей дворянской культуры (с «европейскими кафтанами, камзолами, башмаками, париками, роброндами, мушками, ассамблеями, менуэтами и т.п.») в России той эпохи не было социально-экономической почвы, но эта культура, тем не менее, существовала. Европеизированные культура и литература существовали, хотя для этого не было социально-экономических оснований, потому что были *трансплантированы, пересажены* с Запада, а не выработаны в процессе естественной эволюции.

Понадобится более столетия, чтобы эта чуждая, заимствованная культура прижилась на русской почве. Белинский пишет об этом: «Чужое, извне взятое содержание никогда не может заменить ни в литературе, ни в жизни отсутствия своего собственного, национального содержания; но оно может переродиться в него со временем, как пища, извне принимаемая человеком, перерождается в его кровь и плоть и поддерживает в нём силу, здоровье и жизнь. Не будем распространяться, каким образом это сделалось с Россией, созданною Петром, и русскою литературою, созданною Ломоносовым; но что это действительно сделалось и делается с ними – это исторический факт, истина фактически очевидная» (6, с.9). Однако произойдёт это только в XIX веке, европейские формы обретут русское содержание, и уже можно будет говорить не о заимствованной русским дворянством чужеземной культуре, а о Европеизировавшейся русской дворянской культуре.

Итак, во-первых, русская культура (и литература) как европейская возникает путём трансплантации, пересадки на русскую почву явлений европейской культуры (и литературы), а не путём органичной, естественной эволюции русской культуры. Во-вторых, в течение, как минимум, полутора столетий (2-я половина XVII – начало XIX в.) идёт процесс адаптации явлений европейской культуры (литературы) в русской среде, постепенное наполнение европейских форм содержанием, порождённым русской действительностью. В-третьих, в процесс Европеизации оказывается вовлечённой далеко не вся русская культура, а лишь тонкий верхний её слой,

тогда как культура большинства нации по-прежнему остаётся в своих основаниях старомосковской.

Всё это означает, что европейская культура (литература) и русская развивались совсем по-разному. Отсюда следует, что их, сколь бы внешне схожими они ни выглядели уже с XVIII века, нельзя мерять едиными мерками. Именно это попытался сделать В.В.Кожин и потерпел неудачу, понять причину которой ему помешали верность социологической методологии и убеждённость в том, что русская культура – такая же европейская культура, как английская, французская, польская. А между тем ещё Белинский предупреждал о неминуемости ошибок, «... если русскую литературу судить на основаниях, по которым должно судить историю европейских литератур. Но один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что её должно изучать и о ней должно судить на основании её же самой, а не на основании историй, ничего не имеющих с нею общего, европейских народов. То же и в отношении к истории русской литературы» (6, с.10).

Напомню, что это пишет не славянофил Хомяков, а «западник» Белинский. Горячо желая, чтобы Россия шла европейским путём развития, великий критик при этом ясно понимал, как сильно различаются Россия с её историей и культурой и Европа. Увы, но то, что было очевидно полтора столетия назад Белинскому, сегодня снова приходится доказывать, хотя исторические события 2-й половины XIX – XX ст., свидетелем которых критик уже не мог быть, ещё решительнее подтверждают правоту его выводов. Как могла, например, произойти и победить пролетарская революция в стране, где пролетариат (вместе с семьями) составлял не более 15 процентов населения? Почему это не произошло в странах «развитого капитализма», как должно было быть по марксовой теории, а произошло в России, где капитализм находился в зачаточном состоянии? При ближайшем рассмотрении революция в России (как и многое другое) тоже оказывается «беспочвенным» в социальном и экономическом отношениях. Если следовать логике В.В.Кожина, нужно объявить, что в октябре 1917 года революции не было, ибо и быть не могло при полном отсутствии предпосылок, а приискать ей место, скажем, в конце 30-х годов, когда ряды рабочего класса значительно пополнились в результате политики индустриализации; при этом следует как бы забыть о том, что революция всё

же состоялась в 17-м году. Абсурд? А разве не абсурдно объявлять основоположником барокко в русской литературе Гоголя, а сентиментализма – Достоевского, как бы забыв о существовании Симеона Полоцкого и Н.М.Карамзина?

Мы не уделили бы так много внимания концепции В.В.Кожина, если бы её сторонником был только он один. Эта концепция давно является общепринятой. В.В.Кожин лишь придал ей логическую завершенность. Тогда как другие её приверженцы, сталкиваясь с противоречиями данной концепции, ограничивались умолчанием и недомолвками, он осмелился перестроить её так, чтобы преодолеть содержащиеся в ней противоречия. Смелая (я говорю об этом без тени иронии) попытка оказалась неудачной: уходя от одних противоречий, учёный пришёл к другим, ещё более острым и очевидным. Не согласившись с выводами В.В.Кожина, его коллеги в большинстве своём продолжали исповедовать всё ту же концепцию, краеугольным камнем которой является идея извечной «европейскости» русской культуры и литературы. Но «из ничего и выйдет ничего»: призрачная идея рождала только фантомы русского Предвозрождения и Возрождения, миражи самозарождающихся на русской почве литературных направлений от барокко до романтизма и тому подобные видения, легко рассеивающиеся при объективном историческом освещении. И хотя несостоятельность идеи «европейскости» русской культуры и литературы была очевидна уже для Белинского (как и для многих других русских мыслителей до и после него), эта идея и поныне в почёте, и поныне определяет содержание курсов истории русской литературы – от школьных до академических. Грустно сознавать, что история русской литературы поныне остаётся «королевством кривых зеркал».

Следует обратить внимание ещё на одну особенность русского литературного процесса 2-й половины XVII – начала XIX в.: если в литературах европейских стран этой эпохи направления возникали, развивались и сменялись более или менее последовательно, то в русской они, едва ли не все, существовали одновременно и переплетались столь причудливо, что выделить в ней чётко этапы барокко, классицизма и т.д. практически невозможно. Свидетельством тому – мнения литературоведов.

По мнению Г.П.Макогоненко, на протяжении всего этого периода русская культура решала ренессансные проблемы. Эти «решения осуществлялись не в мгновенном и однократном акте, но в *процессе*, который начался в конце XVII в. и продолжался до первой трети XIX в.» (14,

480). А.А.Морозов считает, что вся эта эпоха была эпохой барокко (к которому относится ещё творчество Державина и даже раннего Пушкина). По мысли Д.С.Наливайко, барокко в России продолжается, как минимум, до середины XVIIIв.

Вместе с тем необходимо учитывать, что XVIII век – это для России столетие классицизма. Как отмечается в литературоведческих исследованиях, классицизм рождается в России в 1730-х годах и до конца 1770-х годов является наиболее влиятельным направлением в литературном процессе. С 1760-1770-х годов в России интенсивно развивается сентиментализм, завоёвывающий к концу столетия ведущие позиции. Однако при этом классицизм не отмирает, более того, в начале XIX века он переживает подъём, в связи с чем некоторые исследователи говорят о своего рода «вспышке» неоклассицизма в русской литературе начала XIX столетия.

Из приведенных высказываний и фактов можно сделать вывод о том, что период 2-й половины XVII – начала XIX века был в России одновременно и эпохой Ренессанса, и эпохой барокко, почти весь этот период был эпохой классицизма, вторая половина этого периода – это ещё и время развития сентиментализма, а последняя его треть добавляет к Ренессансу, барокко и сентиментализму ещё и просветительский реализм и предромантизм. И всё это, взаимодействуя и взаимовлияя, наслаиваясь одно на другое, взаимно окрашивая друг друга, превращает русскую художественную культуру и литературу обозначенной эпохи в невероятно сложный феномен. «Сочетание в творчестве отдельных крупных писательских индивидуальностей элементов разных литературных направлений (нередко даже в пределах одного произведения) делает часто границы между литературными направлениями весьма зыбкими. В этом – одна из коренных особенностей русской литературы XVIII в.», - отмечают К.В.Пигарев и Г.М.Фридлендер в «Истории всемирной литературы» (15, с.361). Невозможность чёткого определения границ и порядка смены направлений в литературе этой эпохи делает малопродуктивным применение к ней самого понятия «литературное направление» и очевидно необходимым применение к ней понятий «тип литературы» и «тип художественно-литературного сознания» (определение этих понятий мы предложили в работе: 16).

Чем же объясняется эта особенность русского литературного процесса конца XVII – начала XIX в.? Думается, всё той же спецификой

развития русской культуры в данную эпоху. Органичность, эволюционность культурного развития европейских стран сообщали литературному процессу логичность и последовательность. Как мы знаем, этой органичности и эволюционности не было в развитии тогдашней русской культуры и быть не могло: старомосковская культура не могла породить европейское по своему характеру искусство барокко, классицизма, сентиментализма... Стремительная европеизация России была жадным и часто беспорядочным заимствованием отдельных явлений европейской культуры, в том числе – европейских литературных стилей. Эта беспорядочность усиливалась ещё и тем, что Россия, для которой XVII век был ещё, хотя и последним, но веком Средневековья, должна была в очень короткий срок освоить культурный опыт, выработанный Европой в течение многих столетий – от античности до романтизма включительно. Многочисленные и нелёгкие процессы, которые Европа переживала с XII века, Россия пыталась пережить за один XVIII век. Практически одновременно Россия знакомится с барокко и классицизмом, античностью и предромантизмом, Ренессансом и сентиментализмом... Эти особенности развития русской культуры 2-й половины XVII – начала XIX в. и объясняют «диффузность» тогдашнего русского литературного процесса.

Литература:

1. Лихачёв Д.С. Своеобразие исторического пути русской литературы X-первой четверти XVIII века / История русской литературы: В 4-х т. – Л.:Наука, 1980. – Т.1. – С. 11-18.
2. Кожин В.В. О принципах построения истории литературы / Кожин В.В. Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991.- С. 308-332.
3. Кожин В.В. Русская литература и термин «критический реализм» / Там же.- С. 471-502.
4. Белинский В.Г. Общее значение слова литература / Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. - Т.V. – С. 620-653.
5. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья первая / Там же. – Т. VII. – С. 94 – 112.
6. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года / Там же. – Т. X. – С. 7-50.
7. Белинский В.Г. Похождения Чичикова, или Мёртвые души. Поэма Н.Гоголя / Там же. – Т. VI. – С. 192-226.

8. Белинский В.Г. Речь о критике, произнесенная в торжественном собрании императорского Санкт-Петербургского университета марта 25-го дня 1842 года экстраординарным профессором, доктором философии А.Никитенко. – Санкт-Петербург, 1842. – Статья II. Историческое обозрение русской критики / Там же. – Т. VI. – С. 287-320.
9. Белинский В.Г. Русская литература в 1840 году / Там же. – Т. IV. – С. 411-426.
10. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Полн. собр. соч.: В 30-ти т. – Л.: Наука, 1975. – Т. 5.- С. 46-98.
11. Белинский В.Г. Мысли и заметки о русской литературе / Там же. – Т.IX. – С. 430-457.
12. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V./ Ключевский В.О. Собр. соч.: В 9-ти т. – М.: Мысль, 1989. – Т. V.
13. Панченко А.М. Литература «переходного» века / История русской литературы: В 4-х т. – Л.: Наука, 1980. – Т.1. – С. 291-407.
14. Макогоненко Г.П. Пути становления русской литературы XVIII века и формирование её национального своеобразия / История русской литературы: В 4-х т. – Л.: Наука, 1980. – Т.1.-С.465-490.
15. Пигарев К.В., Фридлиндер Г.М. Становление новой русской литературы / История всемирной литературы: В 9-ти т. – М.: Наука, 1988. – С. 360-362.

Впервые опубликовано в издании: Проблемы сучасного літературознавства.-Вип. 2. – Одеса: Маяк, 1998.- С. 25-37 (на украинском языке).